

Грамматикализация интенсификатора *фыр* как показателя внутренней именной причины в осетинском языке

© 2023

Олег Игоревич Беляев

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия;
Институт языкознания РАН, Москва, Россия; belyaev@ossetic-studies.org

Анна Александровна Осипова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия;
Институт языкознания РАН, Москва, Россия; oosipovaa@list.ru

Аннотация: Настоящая статья посвящена осетинскому показателю *фыр*, который описывается в словарях и грамматиках как интенсификатор ‘очень’. Мы показываем, что эта единица утрачивает интенсифицирующую семантику и в современном языке, употребляясь с именем в аблативе, грамматикализована в значении показателя внутренней именной причины. Собранные нами полевые данные свидетельствуют о том, что употребление *фыр* в причинных контекстах становится обязательным; при этом использование этого показателя в других контекстах как интенсификатора, напротив, запрещено. Полевые данные подтверждаются анализом материала Осетинского национального корпуса, согласно которому *фыр* употребляется практически исключительно в сочетании с аблативными формами имен, относящихся к классам, связанным с семантикой внутренней причины. Этимологические данные показывают, что исходным значением *фыр* является именно интенсифицирующее; из всех иранских языков этот элемент получил причинное значение только в осетинском. При этом само развитие интенсификатора в показатель причины, как и наличие в языке специализированного показателя для этого значения, не засвидетельствованы в типологических работах, посвященных причинным конструкциям в языках мира.

Ключевые слова: аблатив, грамматикализация, интенсификаторы, иранские языки, осетинский язык, причина

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 22-18-00528 «Связь пропозициональных единиц в предложении и в тексте: семантика и пути грамматикализации». Материал собран в ходе экспедиций в г. Владикавказ в 2022 и 2023 гг. Мы благодарны всем носителям языка, работавшим с нами, а также Э. Т. Гутиевой и Э. Ш. Гутиевой за всестороннюю поддержку. Все ошибки — на нашей совести.

Для цитирования: Беляев О. И., Осипова А. А. Грамматикализация интенсификатора *фыр* как показателя внутренней именной причины в осетинском языке. *Вопросы языкознания*, 2023, 6: 31–48.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.6.31-48

Grammaticalization of the intensifier *fyr* as a marker of internal nominal cause in Ossetic

Oleg I. Belyaev

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; belyaev@ossetic-studies.org

Anna A. Osipova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; oosipovaa@list.ru

Abstract: In this paper, we discuss the Ossetic marker *fyr*, which is described in dictionaries as an intensifier with the meaning ‘very’. We show that, in the modern language, this element is losing its intensifying semantics and has been grammaticalized, when used with a noun in the ablative, as a marker of internal nominal causation. Our field data demonstrate that the use of *fyr* in causal contexts becomes obligatory, but the use of this marker as an intensifier in other contexts is, in contrast, ruled out. The field data are confirmed by the analysis of the data of the Ossetic National Corpus, according to which *fyr* is used almost exclusively with ablative forms of nouns belonging to classes connected to the semantics of internal causation. Etymological data show that the original meaning of *fyr* is the intensifying one; of all Iranian languages, this marker received a causal interpretation only in Ossetic. At the same time, neither the development of an intensifier into a causal marker, nor the presence of a specialized marker for this meaning, is attested in typological works on causal markers.

Keywords: ablative, cause, grammaticalization, intensifiers, Iranian, Ossetic

Acknowledgements: The research was supported by the Russian Science Foundation, project No. 22-18-00528. The data were collected during field trips to Vladikavkaz in 2022 and 2023. We are grateful to all native speakers who provided us with their judgements, and also to Elmira Gutieva and Elvira Gutieva for their constant support. All errors are ours.

For citation: Belyaev O. I., Osipova A. A. Grammaticalization of the intensifier *fyr* as a marker of internal nominal cause in Ossetic. *Voprosy Jazykoznanija*, 2023, 6: 31–48.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.6.31-48

1. Введение

Причинные конструкции (ПК), согласно [Заика 2019], выражают отношение каузации между двумя ситуациями. Существует (согласно той же работе) две основные стратегии выражения причинного значения: **монопредикативная** (ситуации-причине не соответствует отдельная клауза, для кодирования причины могут использоваться именные или адложные группы, а также глагольные показатели) и **полипредикативная** (в этом случае и ситуации-причине, и ситуации-следствию формально соответствуют разные клаузы), ср. кодирование причинной ситуации при помощи монопредикативной (1) и полипредикативной (2) стратегии в русском:

- (1) *Маша села читать книгу от скуки.*
- (2) *Маша села читать книгу, потому что ей стало скучно.*

И для моно-, и для полипредикации характерно наличие нескольких способов кодирования причины (например, как в русском: широкий спектр предлогов в монопредикативных ПК, с одной стороны, и наличие различных союзов в полипредикативных ПК, с другой), сфера употребления различных показателей коррелирует с разновидностью причинного значения. В работах по типологии ПК [Заика 2019; Сай, в печати] выделяется набор семантических параметров, способных влиять на выбор показателя причинного отношения. В частности, предлагаются такие параметры, как объективность vs. субъективность причины, непосредственность vs. опосредованность, внутренний vs. внешний характер причины и некоторые другие, см. полный список в [Сай, в печати].

Настоящая статья представляет собой описание сочетаемости, синтаксиса и семантики осетинского показателя *фыр*, употребляющегося в контекстах внутренней причины в именных ПК. Маркер *фыр* изначально является интенсификатором ‘очень’ и, как будет показано в статье, грамматикализован в осетинском языке в значении показателя внутренней именной причины. Специализированные показатели внутренней причины, насколько нам известно, в языках мира практически не засвидетельствованы; развитие показателя причины из интенсификатора также ранее в типологической литературе не было засвидетельствовано.

Настоящее исследование основано на результатах элицитации, полученных авторами в рамках экспедиций в г. Владикавказ; также привлекаются данные Осетинского национального корпуса (<http://corpus.ossetic-studies.org/>) объемом более 13 млн словоупотреблений. Исследование выполнено на базе иронского диалекта осетинского языка; семантические и синтаксические свойства соответствующего ему форманта *фур* в дигорском диалекте требуют отдельного изучения.

Дальнейшее изложение построено следующим образом. В разделе 2 приведен обзор релевантной литературы, далее на основе полевых данных рассматриваются сочетаемостные и синтаксические свойства интересующего нас показателя (раздел 3). В разделе 4 приводится корпусная статистика, обсуждается частотность и продуктивность различных сочетаний с маркером *фур*. Раздел 5 содержит данные о когнатах показателя в других иранских языках, а также обсуждение пути его грамматикализации в свете типологических данных. Наконец, в заключительном разделе 6 приводятся итоги и перспективы настоящего исследования.

2. Маркирование внутренней причины: общие сведения

В работе [Сай, в печати] среди параметров типологической вариативности в сфере именных ПК (т. е. тех, в которых ситуация-причина кодируется синтаксически при помощи именной группы, — частный случай монопредикативных ПК) отмечается признак «**внутренняя** vs. **внешняя** причина». В нашем исследовании мы ориентировались на определение, данное в [Иорданская, Мельчук 1996]: «[внутренняя причина —] это свойство или состояние X-а или его некоторой части X', [которое] каузирует то, что изменяется состояние X-а или его некоторой части X' (*умер от рака, глаза засверкали от радости, светло от дыр в потолке*)». Таким образом, внутренняя причина как ингерентное свойство, эмоция или состояние некоего, необязательно одушевленного, субъекта противопоставлена всем другим возможным каузирующим ситуациям, объединенным под ярлыком внешней причины. Можно говорить о том, что внутренняя причина всегда подразумевает присутствие и в ситуации-причине, и ситуации-следствии одного и того же субъекта или его части.

Одним из средств маркирования именной причины в осетинском языке, наряду со специализированными послелогоми (из которых основной — *тыххæй* ‘для, из-за’), является аблатив. Среди основных функций этого падежного показателя — пространственная (‘из города’), партитивная (‘двое из друзей’), инструментальная (‘рубить топором’), предикативная (‘работать поваром’) и депиктивная (‘прийти пьяным’). Для локативных показателей типологически характерно развитие причинного значения, см. [Kuteva et al. 2019]. Непосредственно аблативом в осетинском может маркироваться внешняя причина, не связанная с одушевленным каузатором (3). Одушевленный каузатор в данном случае маркируется конструкцией с причинным послелогом (4).

- (3) *Сылгоймаг-æн йæ цæсты-тæ дон кæн-ынц фæздæг-æй.*
 женщина-DAT POSS.3SG глаз-PL вода делать-PRS.3PL дым-ABL
 ‘У женщины слезятся глаза от дыма’.
- (4) *Куыдз а-мард адæймадж-ы тыххæй / *адæймаг-æй.*
 собака PV-умирать.PST.3SG человек-GEN из-за / человек-ABL
 ‘Собака умерла из-за человека’.

Однако в контексте внутренней причины одного аблативного маркера в общем случае недостаточно. Как мы покажем ниже, некоторые внутреннепричинные контексты допускают использование только аблативного показателя для выражения причины,

но в подавляющем большинстве контекстов необходимо использовать препозитивный показатель *фыр* наряду с именем в аблативе, см. (5). Согласно существующим грамматическим описаниям, эта единица имеет значение ‘слишком’, ‘очень’ [Гагкаев 1952; Ахвледиани 1969].

- (5) *Сывæллон с-куыд-та *(фыр) тас-æй.*
 ребенок PV-плакать-PST.3SG FYR страх-ABL
 ‘Ребенок заплакал от страха’.

Мы покажем, что этот маркер демонстрирует типологически редкий, в том числе нехарактерный для генетически родственных языков путь грамматикализации из интенсификатора в показатель внутренней причины.

3. Существующие исследования

В грамматических описаниях маркеру *фыр* уделялось сравнительно мало внимания. Так, в работе [Гагкаев 1952] *фыр* упомянут среди немногочисленных осетинских предлогов: отмечается, что он «употребляется с творительным падежом»¹ и имеет значение ‘слишком’. Грамматика под редакцией Г. С. Ахвледиани [1963: 131; 1969: 51] называет *фыр* наречием, образующим «интенсивную форму» прилагательных и других наречий, ср.:

- (6) *Нæ сыхæг-т-ы ус фыр зæронд ныцц-и.*
 POSS.1PL сосед-PL-GEN женщина FYR старый PV-EXST
 ‘Наша соседка состарилась очень’. [Ахвледиани 1969: 35]

Этимологический словарь [Абаев 1958: 499–500] характеризует показатель как составной элемент композитов (таких как *фырцин* ‘восторг’ от *фыр* + *цин* ‘радость’), имеющий значение ‘очень’, ‘много’. В работе [Гацалова 2017] *фыр* упоминается среди интенсификаторов, употребляющихся при прилагательных. Цитируемые (дигорские) примеры, однако, содержат лишь сочетание *фур* и имени существительного в аблативе, более того, оба контекста являются по сути причинными конструкциями.

Наконец, в работе [Выдрин, в печати], представляющей собой общий обзор осетинских ПК, маркер обсуждается более подробно. Согласно приведенным данным, в контекстах внешней причины показатель свободно употребляется с именами, «усиливая качественный аспект причины»:

- (7) *Сылгоймаг ра-йхъал (фыр) хъæр-æй.*
 женщина PV-бодрствующий сильный крик-ABL
 ‘Женщина проснулась от (сильного) шума’. [Выдрин, в печати]

Утверждается, что «при внутренней причине в большинстве случаев употребление *фыр* становится обязательным» и в этом случае единица «теряет свое лексическое значение и функционирует как предлог». Отмечается также, что показатель не может сочетаться с именами, маркированными причинными послелогоми:

- (8) **Сылгоймаг ра-йхъал фыр хъæр-ы тыххæй.*
 женщина PV-бодрствующий сильный крик-GEN из.за
 (‘Женщина проснулась от (сильного) шума’).² [Выдрин, в печати]

¹ То же, что и аблатив в наших терминах.

² Здесь и далее в скобках будут даваться ожидаемые значения неграмматичных примеров.

4. Полевые данные

4.1. *Фыр* как интенсификатор?

Приведенные выше грамматические описания отмечают наличие у показателя *фыр* интенсифицирующей семантики. В современном языке, однако, употребление этого маркера как интенсификатора для прилагательных и наречий невозможно — в этой функции используется показатель *æгæр*, ср. примеры ниже:

- (9) *А-цы хос *фыр / æгæр маст у.*
 этот-ДЕТ лекарство FYR / слишком горький быть.PRS.3SG
 ‘Это лекарство слишком горькое’.
- (10) *Алан нæм *фыр / æгæр арæх æрба-цæу-ы.*
 Алан 2PL.ENCL.ALL FYR / слишком часто PV-идти-PRS.3SG
 ‘Алан приходит к нам слишком часто’.

Употребление *фыр* в качестве модификатора именной группы вне причинной конструкции также оценивается носителями как неграмматичное, ср. (11) и (12):

- (11) **Уындж-ы фыр дымгæ дымд-та.*
 улица-IN FYR ветер дуть-PST.3SG
 ‘На улице дул сильный ветер’.
- (12) *Фыр тæвд-æй йæ бон уый ба-хæр-æн нæ уыд.*
 сильный жар-AVL POSS.3SG возможность тот PV-есть-INF2 NEG быть-PST.3SG
 ‘Его нельзя было съесть из-за высокой температуры’.

Как мы видели выше, в контекстах внутренней причины употребление *фыр* обычно является обязательным (5). Само по себе это, однако, не означает, что *фыр* стал показателем внутренней причины. Возможно и другое объяснение: *фыр* сохраняет функцию интенсификатора при наличии аблатива как собственно причинного показателя; его обязательность в таких контекстах, как (5), вызвана тем, что некоторые события предполагают высокую степень проявления состояния, выступающего в качестве причины (заплакать можно только от сильного страха). Такие примеры, как (12), как будто бы говорят в пользу этого предположения (ср. перевод ‘из-за высокой температуры’).

Однако, по нашим полевым данным, в контекстах внутренней причины значение интенсификации для большинства классов предикатов отсутствует: употребление *фыр* оказывается обязательным даже в контекстах, несовместимых с «интенсифицирующим» прочтением, ср. (13).

- (13) *Мад фыр цин-æй гыццыл йæ мидбылты ба-худт.*
 мама FYR радость-AVL немного POSS.3SG улыбаясь PV-смеяться.PST.3SG
 ‘От радости мама немного улынулась’. (ср. ??‘немного улынулась от сильной радости’)

Кроме того, использование интенсификаторов в общем случае предполагает градуируемость предиката [Kennedy, McNally 2005; Doetjes 1997]: ср. *очень красивый*, **очень деревянный*; *очень любит*, **очень видит*. Но для *фыр* это свойство не является обязательным, ср. (14).

- (14) *кæд ис-куы ис-чи йæ рухс куæндæ-тт-æй йæ*
 когда INDEF-когда INDEF-кто POSS.3SG светлый молитвенный.дом-PL-AVL POSS.3SG

фыр-джауыр-ай *хынджылаг* *код-та,* *уаџ*
 FYR-безбожие-ABL кошунство делать-PST.3SG тогда

‘(Мы смеялись,) когда кто-либо когда-либо осквернял свои светлые молитвенные дома из-за своего безбожия.’ (ОНК)

(Ср. *??* ‘очень безбожный’, *??* ‘из-за сильного безбожия’)

Впрочем, следует заметить, что (14) — это один из немногих примеров такого рода и большинство предикатов, с которыми употребляется *фыр*, все же являются градуируемыми, см. разделы 5.2–5.3. Очевидно, это связано с самой природой понятия внутренней причины и теми классами предикатов, которые к ней относятся. Собственно говоря, грамматикализация *фыр* стала возможной именно из-за его совместимости с этими значениями.

Таким образом, приведенные выше примеры говорят о десемантизации интенсификатора в рамках конструкций внутренней причины, что согласуется с выводом [Выдрин, в печати].

4.2. Обязательность *фыр*

В этой же работе [Выдрин, в печати] было отмечено, что в конструкциях внутренней причины маркер является преимущественно обязательным. Это обобщение верно не для всех предикатов, обозначающих внутреннюю причину: если с некоторыми опущение *фыр* невозможно (5), то с другими он необязателен. В настоящем разделе мы попытаемся очертить границы обязательности *фыр* в зависимости от семантического класса предиката. Рассматривались разные типы контекстов, совместимые с семантикой внутренней причины как свойства или состояния X-а или его некоторой части, каузирующего изменение состояния X-а или его некоторой части. Эти контексты следующие: внутреннее состояние X-а (*холод, жар*), ингерентное свойство X-а (*красота, гордость*), действие, расходующее внутреннюю энергию X-а (*работа, бег*) и эмоция X-а (*радость, страх*).

Обязательность показателя *фыр* разнится внутри перечисленных групп. В контекстах, относящихся к типу «**внутреннее состояние X-а**», бо́льшая часть носителей не допускает употребления без маркера:

- (15) *Мадина* *нџ* *а-цыд* *скъола-мџ* *??(фыр)* *тџџџ-ай.*
 Мадина NEG PV-идти.PST.3SG школа-ALL FYR жар-ABL

‘Мадина не пошла в школу из-за температуры’ (она заболела).

Внутри контекстов типа «**ингерентное свойство X-а**» некоторые имена, кодирующие ситуации-причины, допустимы при опущении показателя, тогда как другие не допускают отсутствия *фыр*:

- (16) *Лаг* *ал-цы-дџ* *(фыр)* *џџџџџџџ-ай* *ра-дзырд-та.*
 мужчина UNIV-что-ADD FYR глупость-ABL PV-говорить-PST.3SG

‘Мужчина все рассказал по глупости’.

- (17) **(Фыр)* *зџџџџџ-ай* *џџџџџџџ* *с-ыстад-тџџџ.*
 FYR лень-ABL поздно PV-вставать-PST.1SG

‘Я встала поздно из-за лени’.

Можно предположить, что ограничение на употребление аблатива без маркера *фыр* связано в примере (17) с запретом маркирования аблативным падежом имени, реферирующего к одушевленному каузатору (см. пример 4 и обсуждение выше). Для обозначения носителя свойства в ряде случаев может использоваться та же лексема, что и для обозначения самого свойства (ср. *зџџџџџ* ‘лень’ и ‘ленивый’). Маркер *фыр*

ассоциирован в языке практически исключительно с контекстами внутренней причины, как будет видно из данных корпусной статистики в нижеследующих разделах. В таких контекстах выступают только имена свойств и состояний, а не индивидов. Таким образом, можно говорить о том, что обязательность употребления маркера связана с необходимостью разрешения лексической неоднозначности.

Для контекстов, кодирующих действие, расходуемое внутренней энергией *Х-а*, характерно отсутствие маркера *фыр*, однако его использование также допустимо.

- (18) *Сывæллæ-ттæ ба-фæллад-ысты (фыр) тæх-ын-æй.*
 ребенок-PL PV-устать-PST.3PL FYR бежать-INF-ABL
 ‘Дети устали от бега’.

Наконец, в контекстах «эмоция *Х-а*» наблюдаются эффекты, связанные со специфическими лексическими ограничениями. Среди рассмотренных имен есть лексемы-дуплеты: *худт* и *худæг* ‘смех’, *тæсс* и *тас* ‘страх’, которые по-разному соотносятся с употреблением рассматриваемого показателя:

- (19) *Зæрина-йæн *(фыр) худт-æй / (фыр) худæг-æй йæ цæссыг*
 Зарина-DAT FYR смех-ABL / FYR смех-ABL POSS.3SG слеза
æр-калд.
 PV-литься-PST.3SG
 ‘Зарина заплакала от смеха’.

- (20) *Лæнну *(фыр) тæсс-æй / ?(фыр) тас-æй нæ ба-цыд куыдз-мæ.*
 мальчик FYR страх-ABL / FYR страх-ABL NEG PV-идти-PST.3SG пес-ALL
 ‘Мальчик не подошел к псу из страха’.

Природа этих дуплетных лексем нуждается в дальнейшем изучении. В целом большинство носителей предпочитают использование *фыр* в контексте внутренней причины, однако некоторые из них также допускают его опущение, что говорит о том, что этот показатель пока нельзя считать полностью обязательным.

Как представляется, в некоторых случаях допустимость опущения *фыр* может быть связана с иным статусом аблативных форм без этого показателя. Одной из функций аблатива является, как уже упоминалось, депиктивная, ср.:

- (21) *Гал-тæ а-рвыст-а, æмæ æрдæг мард-æй с-ласт-ой*
 бык-PL PV-посылать-PST.3SG и половина мертвый-ABL PV-возить-PST.3PL
Алаф-ы.
 Алаф-GEN
 ‘Он послал быков, и они подняли Алафа вверх полумертвым’. [Thordarson 2009: 162]

В причинных конструкциях депиктивная интерпретация также доступна, ср. контекст, относящийся к типу «ингерентное свойство *Х-а*»:

- (22) *Куырм-æй гæды мыст-ы нæ уыд-та.*
 слепота-ABL кошка мышь-GEN NEG видеть-PST.3SG
 ‘Из-за слепоты кошка не видела мышь’ / ‘Будучи слепой, кошка не видела мышь’.

Можно предполагать, что грамматичность контекстов в отсутствие маркера *фыр* в случаях, когда это возможно (маркированная аблативом лексема допускает депиктивную интерпретацию и ориентирована на субъект), обеспечивается благодаря интерпретации аблативного показателя не как собственно причинного, но как депиктивного. Это объясняло бы, почему в общем случае наличие маркера *фыр* во внутреннепричинных контекстах предпочтительно и в части случаев строго обязательно, тогда как отсутствие маркера также маргинально возможно. Мы, однако, пока не обладаем данными, позволяющими с достаточной степенью надежности подтвердить или опровергнуть это предположение.

4.3. Синтаксические свойства

Наконец, перейдем к обсуждению синтаксических свойств интересующего нас показателя. Линейная позиция маркера в именной группе такова: он должен располагаться левее прилагательного (обратный порядок неграмматичен, см. (23)) и, подобно прилагательным, строго правее посессивной проклитики (24).

- (23) *Сывæллон {фыр стыр / *стыр фыр} худинаг-æй ба-мбæхст.*
 ребенок FYR большой / большой FYR стыд-AVL PV-спрятаться.PST.3SG
 ‘Ребенок спрятался из-за сильного стыда’.
- (24) **Сывæллон ба-худт-и {йæ фыр / *фыр йæ} цин-æй.*
 ребенок PV-смеяться-PST.3SG POSS.3SG FYR / FYR POSS.3SG радость-AVL
 ‘Ребенок рассмеялся от радости’.

Так как модифицировать непосредственно прилагательное вне аблативной группы показатель *фыр* не может (см. (9) выше), вероятно, его структурная позиция — над группой, включающей в себя это прилагательное.

Маркер *фыр* может сочетаться с показателем *тынг*, употребляющимся как глагольный и именной интенсификатор (ср. его употребление без *фыр* (25) и в контексте с *фыр* (26)). Это снова указывает на то, что сам показатель *фыр* интенсификатором не является.

- (25) *...уæддæр дæ ирæ-тт-æй чи-дæр тынг ба-фхæрд-та.*
 все_же 2SG.ENCL.GEN осетин-PL-AVL кто-INDEF очень PV-обидеть-PST.3SG
 ‘...Все же кто-то из осетин тебя очень обидел’. (ОНК)
- (26) *Фыр тынг тас-æй лæппу ни-цы дзырд-та.*
 FYR очень страх-AVL мальчик NEG-что сказать-PST.3SG
 ‘Из-за большого страха мальчик ничего не сказал’.

Возможно наличие двух сочиненных существительных в сфере действия рассматриваемого показателя:

- (27) *...фыр [тас æмæ ихæнриз]-æй йæ 'взаг йæ ком-ы*
 FYR страх и стресс-AVL POSS.3SG язык POSS.3SG рот-IN
наæ хат-гæ-йæ.
 NEG поворачивать-PTCP-AVL
 ‘...От страха и стресса он не чувствовал языка во рту’. (ОНК)

Наконец, интересным представляется тот факт, что при наличии посессивной проклитики или прилагательного при имени в аблативе в контексте внутренней причины становится возможным отсутствие маркера *фыр*, тогда как кодирование ситуации-причины именем в аблативе без модификаторов неграмматично, см. пример ниже:

- (28) а. **Сывæллон цин-æй худ-ын ра-йдыд-та.*
 ребенок радость-AVL смеяться-INF PV-начать-PST.3SG
 ‘(Ребенок рассмеялся от радости’.)
- б. *Сывæллон йæ цин-æй худ-ын ра-йдыд-та.*
 ребенок POSS.3SG радость-AVL смеяться-INF PV-начать-PST.3SG
 ‘Ребенок рассмеялся от радости’, букв. «от своей радости».
- в. *Сывæллон стыр цин-æй худ-ын ра-йдыд-та.*
 ребенок большой радость-AVL смеяться-INF PV-начать-PST.3SG
 ‘Ребенок рассмеялся от большой радости’.

4.4. Промежуточные выводы

Представленные выше полевые данные позволяют говорить о том, что *фыр* прошел значительную часть пути в сторону грамматикализации как специализированного показателя внутренней причины: его употребление как интенсификатора в целом довольно ограничено, а в рамках причинной конструкции с аблативом он употребляется только в контекстах внутренней причины. Однако говорить о полном закреплении *фыр* в этой функции пока преждевременно из-за его факультативности со многими предикатами. Более полную картину о реальной степени употребительности *фыр* в соответствующих конструкциях можно получить на основании корпусных данных, которые будут рассмотрены в нижеследующих разделах.

5. Корпусные данные

5.1. Материал

Корпусная часть исследования выполнена на материале Осетинского национального корпуса [Arkhangelskiy et al. 2012] как наиболее полного на сегодняшний день собрания письменных текстов на иронском диалекте осетинского языка. Прямой поиск контекстов с *фыр* в корпусе затруднен из-за того, что сочетания с *фыр* чаще пишутся слитно, чем раздельно: ср. 43 примера на *фырфæлладæй* и *фырвæлладæй* ‘от усталости’ (*фæллад* ‘усталость, усталый’) против всего 8 на *фыр фæлладæй*. При этом, поскольку *фыр* в описаниях осетинской морфологии обычно не рассматривается как префикс, автоматический анализатор ОНК не распознаёт слитные написания и они не попадают в выборку на слово *фыр*. Поиск же при помощи символа подстановки *фыр** недостаточно точен, т. к. включает также другие частотные слова, начинающиеся на *фыр*, например *фырт* ‘сын’ и его формы.

В связи с этим исследование проводилось, минуя стандартную форму поиска ОНК, путем прямого анализа письменных текстов, вошедших в корпус, в программе AntConc [Anthony 2020]. Выборка исследования включает все вхождения *фыр* как отдельного слова в сочетании с именем в аблативе (*-æй / -йæ*), а также примеры на регулярное выражение «*фыр..+æй*». Из этих примеров были исключены те, в которых сочетание *фыр* не соответствует искомому показателю (например, *фырт-æй* (сын-авл), *фыр* ‘баран’), а также примеры-дубликаты (одинаковые предложения, встречающиеся в разных частях корпуса — например, в двух опубликованных версиях одного и того же рассказа). При объединении всех орфографических вариантов общий размер выборки составил 258 уникальных сочетаний с *фыр*, составляющих в сумме 3861 вхождение (токен) — при общем объеме корпуса в 13 368 194 словоупотребления это составляет 288,82 слова на миллион.

5.2. Частотность сочетаний с *фыр* и их фонологическая форма

Первые 10 сочетаний с *фыр* по частотности в корпусе представлены в таблице 1. Эти единицы в сумме (2807 токенов) составляют около 65 % от общего числа сочетаний в выборке.

Таблица 1

Частотность сочетаний с *фыр* в ОНК (первые 10 единиц)

Сочетание	Значение	Вхождения	На миллион	Доля	Без <i>фыр</i>	<i>Фыр</i> без аблатива ³
1 <i>фырцинай</i>	‘от радости’	798	59,69	21 %	818	2
2 <i>фырмаестай</i>	‘от злости’	586	43,84	15 %	1000	0
3 <i>фыртаес(с)ай</i>	‘от страха’	260	19,45	7 %	245	0
4 <i>фырадаергаей(ае)</i>	‘от ужаса’	191	14,29	5 %	343	0
5 <i>фыртыхстай</i>	‘от беспокойства’	173	12,94	4 %	239	3
6 <i>фырæфсаермай</i>	‘от стыда’	145	10,85	4 %	237	1
7 <i>фырдисай</i>	‘от удивления’	104	7,78	3 %	216	0
8 <i>фырхъалай</i>	‘от гордости’	96	7,18	2 %	132	1
9 <i>фырдиссагай</i>	‘от удивления’	87	6,51	2 %	225	3
10 <i>фырбуцай</i>	‘от каприза’	61	4,56	2 %	105	2
Всего		2501	187,09	65 %		

Как видно из таблицы, среди самых частотных сочетаний с *фыр* и аблативом преобладают выражения, обозначающие эмоции, что подтверждает данные работы [Выдрин, в печати] и наши полевые данные, согласно которым этот показатель маркирует внутреннюю причину. При этом интересно, что одно только *фырцинай* ‘от радости’ покрывает 20,67 % всех вхождений в нашей выборке. Семантические классы сочетаний с *фыр* будут подробнее рассмотрены в разделе 5.3 ниже.

Фонологические свойства сочетаний с *фыр* не были предметом нашего исследования, однако тот факт, что, как было указано выше, в корпусе преобладает их слитное написание, может указывать на достаточно высокую степень фонетической или просодической интеграции. Кроме того, выше были отмечены варианты *фырфæлладей* и *фырвæлладей* ‘от усталости’, отличающиеся звонкостью начального согласного смысловой части сочетания с *фыр*-. Такое озвончение типично для согласных в начале вторых частей сложных слов [Абаев 1959: 13] и может указывать на морфологизацию *фыр* как префикса. Следует, впрочем, заметить, что слов с начальным озвончением в корпусе всего три: помимо упомянутого *фырвæлладей*, также встречается *фыргуыстай* ‘из-за (тяжелой) работы’ (*куыст* ‘работа’), наряду с *фыркуыстай*; *фырдалынгай* ‘из-за темноты’ (*талынг* ‘темнота’), наряду с *фырталынгай*. Можно было бы предположить, что эти примеры являются в большей степени лексикализированными, чем другие, однако это, как кажется, в общем случае не так: аблативные сочетания не обладают выдающейся частотностью (51 вхождение *фырфæлладей*, 50 вхождений *фыргуыстай*, 2 вхождения *фырдалынгай*). Без аблатива *фырфæллад* встречается в корпусе четыре раза, *фырвæллад* — один раз, при этом оба варианта, помимо аблатива, представлены в корпусе только в номинативе; *фырталынг* или *фырдалынг* в иных падежах не представлены вовсе. В словаре [Гуриев, Гутиева 2017] можно найти лексемы *фырвæллад* ‘перутомление’, *фыргуыст* / *фыркуыст* ‘непосильный, тяжелый труд’, однако из них только последняя широко используется не в аблативе (24 вхождения, причем только три из них — без озвончения). Слово *фырталынг* / *фырдалынг* в словарь не включено.

Все это свидетельствует, как кажется, о том, что озвончение начальных согласных не является орфографической конвенцией или индивидуальной особенностью этих лексем,

³ Здесь и далее при подсчете примеров без аблатива не учитываются примеры на групповую флексию, например *фыр-фæллад æмæ маест-ай* (FҮR-усталость и злость-AVL) ‘от сильной усталости и злости’.

но спонтанным написанием, свидетельствующим о тенденции к морфологизации показателя *фыр*. Однако в целом морфонологические свойства *фыр* заслуживают отдельного исследования, которое должно сопровождаться более внимательным анализом осетинского словосложения в целом.

5.3. Семантические классы сочетаний с *фыр*

Подавляющее большинство сочетаний с *фыр* и аблативом обладают причинной семантикой и без труда классифицируются по четырем типам значений, выделенным выше в соответствии с работой [Иорданская, Мельчук 1996]: внутреннее состояние X-а, ингерентное свойство X-а, действие, расходующее внутреннюю энергию X-а, и эмоция X-а. Классификация некоторых сочетаний, как часто бывает при анализе корпусных примеров, неоднозначна, однако их принадлежность к одному из четырех типов (т. е. к внутренней причине в нашем понимании) сомнению, как правило, не подлежит. Лишь 15 из 258 уникальных сочетаний затруднительно отнести к внутренней причине. Частотность сочетаний с *фыр* для каждого из четырех типов представлена в таблице 2.

Таблица 2

Количество сочетаний с *фыр* по семантическим классам

Тип предиката	Количество	Доля
ингерентное состояние	104	40 %
внутреннее состояние	64	25 %
эмоция	56	22 %
действие, расходующее энергию	19	7 %
(не классифицируется)	15	6 %
Всего	258	

Относительная частотность классов в таблице 2 как будто бы противоречит данным в таблице 1, согласно которым среди выражений с *фыр* доминируют эмотивные контексты. Это связано с тем, что многие из сочетаний представлены менее чем 10 примерами. При подсчете по количеству вхождений статистика существенно меняется, см. таблицу 3⁴.

Таблица 3

Частотность примеров с *фыр* по семантическим классам

Тип предиката	Вхождений	На миллион	Доля
эмоция	3016	225,61	78 %
ингерентное состояние	411	30,74	11 %
внутреннее состояние	314	23,49	8 %
действие, расходующее энергию	79	5,91	2 %
(не классифицируется)	41	3,07	1 %
Всего	3861	288,82	

⁴ Поскольку у нас не было возможности вручную обработать все корпусные примеры, мы не можем однозначно утверждать, что все они употребляются именно в значении причины. Однако,

Примеры, не подпадающие под определение Л. Н. Иорданской и И. А. Мельчука (15 сочетаний, 41 вхождение), не представляют собой однородного класса. Последовательно рассмотрим все сочетания, относящиеся к этой группе. Во-первых, многие из них (7 из 15) при ближайшем рассмотрении могут быть интерпретированы как в действительности выражающие состояние индивида. Так, самое частотное из них (20 вхождений — при этом другие сочетания с неясным статусом имеют не более 4 вхождений) — *фырнадаей* ‘от битья’ (*над* ‘битье, побитый’) — обычно употребляется в контекстах, подразумевающих, что причиной был не сам факт избиения, но состояние, проистекающее из него:

- (29) ...*фыр-над-аей* *с-ыст-ын-хъом* *куы-нае-уал* *уыд...*
 FYR-бить.PTCP-ABL PV-вставить-INF-способный когда-NEG-больше быть.PST.3SG
 ‘...когда он больше не мог встать от того, что был сильно избит...’ (ОНК)

Так же можно объяснить примеры на сочетания *фыраенхъалмагастаей* ‘от ожидания’ (состояние волнения, связанное с ожиданием, — 4 вхождения), *фыр хостаей* ‘от битья’ (1 вхождение). *фырмонцаей* (1 вхождение, в сочетании *мардысты фырмонцаей* ‘умирали от надежды’, т. е. от состояния, вызванного надеждой), *фырфынаей* ‘от сна’ (1 вхождение — состояние, вызванное избытком сна), *фырдалынгаей* ‘от темноты’ (2 вхождения: ‘от невозможности разглядеть предметы, вызванной темнотой’), *фыривылдаей* (1 вхождение: *Терк фыриылдаей аерра бирагъты аердонг фестади* ‘от разлива Терек стал стаей бешеных волков’).

Во-вторых, четыре сочетания засвидетельствованы не в причинном значении: *фырхъ-аераей* ‘сильным криком’ (3 вхождения), *фырамдзагъдаей* ‘от сильных ударов’ (2 вхождения, например: *йе ’мбелттæ сæ армытæаепантыл нал ауарстой фырамдзагъдаей* ‘его друзья больше не берегли свои ладони от сильных ударов’), *фырдзугаей* ‘большим стадом’ (1 вхождение: *Хъариуы фыййау мын, фырдзугаей фысджынтæ* ‘пастухи из Карну мне — имеющие овец **большими стадами**’ — поэтический контекст, перевод неясен), *фырфæлы-вдаей* ‘большим обманом’ (1 вхождение: у *фырфæлывдаей маенгард* ‘он клятвопреступник **большим обманом**’ — поэтический контекст, перевод неясен).

Наконец, остаются лишь следующие четыре сочетания, имеющие, по-видимому, причинное значение, но не укладываемые в выделенные семантические классы: *фырхъ-усынаей* ‘от слушанья’ (1 вхождение: *цыма мае хъустæ фырхъусынаей сæхæдæг зарыңц* ‘будто мои уши сами поют от того, что много слушали’), *фырзмисейхафтаей* ‘от ударов о землю’ (1 вхождение: *Рудзгъуты раз скъапп, йæ фæйнаеджытæ фырзмисейхафтаей хъæдабайау кæмæн æрттыветой, ахæм скъапп* ‘Перед окнами шкаф, такой шкаф, что его доски сияли как бархат **от ударов о землю**’), *фырзианджынаей* ‘от убыточности’ (1 вхождение, перевод неясен), *фырцытаей* ‘от почета’ (1 вхождение, перевод неясен). Впрочем, даже среди этих контекстов *фырхъусынаей* и *фырзмисейхафтаей* могут быть интерпретированы как обозначающие причину — результирующее внутреннее состояние (‘от состояния, вызванного слушаньем / ударами о землю’).

Как бы то ни было, даже если не все из предложенных объяснений выглядят убедительно, приведенные в последних абзацах данные лишь подтверждают, что примеры-исключения крайне редки: большинство из рассматриваемых контекстов хорошо вписываются в принятое нами понимание семантики внутренней причины.

учитывая семантику самих сочетаний, а также тот факт, что в ходе работы с материалом нам встретилось очень мало примеров на иные значения, можно с уверенностью утверждать, что к этому классу относится подавляющее большинство рассматриваемых примеров. Если бы это было не так, в корпусе имелось бы гораздо большее число сочетаний с *фыр* без аблатива: для интенсификатора мы ожидаем употребление во всех синтаксических контекстах.

5.4. Обязательность и специализированность *фыр*

Корпусные данные не содержат отрицательного материала и поэтому не могут однозначно ответить на вопрос об обязательности *фыр* в тех или иных контекстах. Однако показательным может быть сравнение частотности контекстов «*фыр* + аблатив» с частотностью аблатива без *фыр*; эти данные представлены в таблице 1 выше. Вполне ожидаемо, что аблатив без *фыр* во всех случаях оказывается частотнее: ведь, помимо причины, аблатив в осетинском языке имеет множество других значений. Так, в (30) *цин-æй* употребляется как актант глагола ‘наполниться’.

- (30) *Маен-æн мае риу цин-æй а-йдаг и.*
 я-DAT POSS.1SG грудь радость-AVL PV-полный EXST
 ‘Моя грудь наполнилась радостью’. (ОНК)

Тем примечательнее тот факт, что почти для всех 10 самых частотных сочетаний (см. таблицу 1) частотность аблатива с *фыр* и без практически одинакова. Исключением является лишь *маестæй* ‘злостью’ — это объясняется тем, что большинство вхождений этого выражения приходится на идиому *маестæй марын* ‘дразнить’, букв. «убивать злостью». Столь высокая частотность не ожидается для обычного интенсификатора. В качестве примера, *тынг зæронд* ‘очень старый’ имеет в корпусе 19 вхождений против общего числа 11 578 для *зæронд* ‘старый’.

Для менее частотных сочетаний мы вполне можем оценить круг значений, выражаемых аблативом без *фыр*. Так, на сочетание *фырмаллæгай* ‘от худобы’ в корпусе встретилось 10 примеров, все они — со значением причины. На формы *маллæгай* имеется 12 примеров, и из них только один имеет причинное значение, причем оно может быть идиоматическим выражением (*маллæгай хъæрзис* ‘стонешь от худобы’). Как кажется, это достаточно убедительно показывает, что *фыр* в значении внутренней причины является почти обязательным.

Тем не менее, говорить о полной обязательности *фыр* в контекстах внутренней причины пока преждевременно. Сравним употребление форм *фыртæс(с)æй* и *тæс(с)æй* ‘от страха’. Они имеют примерно равную частотность: 260 вхождений *фыртæс(с)æй* и 239 вхождений *тæс(с)æй*. При этом наши полевые данные показывают, что употребление *фыр* при причинном значении этого выражения скорее обязательно (20). Корпусные данные, однако, показывают несколько иную картину. В соответствии с ними, *фыртæс(с)æй*, действительно, употребляется исключительно в причинных контекстах. Контексты с *тæс(с)æй* имеют несколько более сложную дистрибуцию. Подавляющее большинство из них (237 из 239) можно так или иначе отнести к причинному значению, что, казалось бы, опровергает гипотезу об обязательности *фыр*. Однако более чем в половине случаев (136 контекстов) *тæс(с)æй* употребляется с зависимым в генитиве; как мы указывали в разделе 4.3 выше (286–в), при наличии именных зависимых употребление *фыр* становится необязательным. При этом во многих из этих примеров *тæссæй* по своей функции близок к поселелу, ср. (31), где он может быть интерпретирован как показатель, вводящий семантический актант слова *катай* ‘тревога’.

- (31) ...*катай ба-йдыд-тон, куы маем хæц-ой, уый тæссæй.*
 тревога PV-начинать-PST.1SG если 1SG.ENCL.ALL ловить-SBJV.3PL TOT.GEN страх-AVL
 ‘Я начал беспокоиться, боясь, что меня поймают’ (букв. «от страха, если меня поймают»). (ОНК)

Остается 101 случай, где *тæссæй* имеет однозначно причинную семантику. Даже если исключить из их числа 17 примеров на полуидиоматические сочетания *тæссæй ризын*, *тæссæй зыр-зыр кæнын* ‘дрожать от страха’ и их варианты, остается 84 примера на причинное значение — 35 % от общего числа.

Таким образом, письменные тексты на осетинском языке позволяют говорить лишь о сильной тенденции к употреблению *фыр* в контекстах внутренней причины, но не о полной обязательности этого показателя. Как эти факты могут быть соотнесены с нашими полевыми данными, согласно которым *фыр* в сочетании *фыртæссæй* в значении причины обязателен, неясно. Один из возможных вариантов состоит в том, что на опущение *фыр* влияют дополнительные, не учтенные нами факторы. В частности, не всегда легко отличить причинное употребление ('от страха') от депиктивного ('боясь', 'со страхом'). Другое объяснение может состоять в том, что ОНК неоднороден по своему составу: он включает как тексты более ранних периодов, так и тексты, написанные носителями других иронских говоров (например, говоров Южной Осетии). В связи с недостаточной детальностью разметки текстов учесть этот фактор пока не представляется возможным. Выявление точной причины этого расхождения требует отдельного исследования.

К вопросу об обязательности *фыр* примыкает вопрос о его специализированности в значении причины. Можно было бы предположить, что *фыр* закрепился в сочетаниях с аблативом в значении внутренней причины, однако в других контекстах сохраняет значение интенсификатора. Наши данные показывают, что это не так: сочетания с *фыр* без аблатива в корпусе крайне редки. Из 258 найденных сочетаний в 208 употребляется только аблатив. Большинство из оставшихся 50 сочетаний встречаются без аблатива 1–5 раз каждое, причем сюда относятся даже некоторые слова, засвидетельствованные в словарях как существительные (*фырцин* 'восторг' встречается 2 раза, против 798 вхождений *фырцинаей*). Исключение составляют пять сочетаний: *фыргуыст* 'изнурительный труд' (24 вхождения), *фырнымд* 'чрезмерно стеснительный, щепетильный' (88 вхождений), *фырдзырд* 'многословие' (29 вхождений), *фырхæрд* 'обжорство' (24 вхождения), *фырсыгъдаг* 'Пречистая' (о Деве Марии — 46 вхождений), 'святой' (об источнике — 3 вхождения), 'очень чистый' (о воздухе — всего 1 вхождение), из которых все, кроме последнего, представлены в словарях. Очевидно, мы имеем дело с ограниченным числом лексикализованных сочетаний.

О закреплении *фыр* в конструкции с аблативом свидетельствуют и лексикографические данные. Из 258 рассмотренных сочетаний в словарь [Гуриев, Гутиева 2017] включено всего 50 (впрочем, в основном они относятся к наиболее частотным). При этом из этих 50 сочетаний 16 включены в словарь только в аблативе. Оставшиеся сочетания также зачастую не встречаются в корпусе без аблатива или же встречаются крайне редко.

Таким образом, в современном осетинском языке *фыр* практически исключительно выполняет функции показателя внутренней причины. В таких контекстах его использование для носителей предпочтительно, хотя говорить о его обязательности пока нельзя. Его функция как интенсификатора при прилагательных, отмеченная в грамматиках, более не является продуктивной.

5.5. Выводы

Представленные в настоящем разделе корпусные данные, на наш взгляд, убедительно показывают, что в современном осетинском языке *фыр* утратил функцию интенсификатора и закрепился в функции показателя внутренней причины; в качестве интенсификаторов используются другие элементы: *тынг*, *æгæр*, *иттæг* 'очень'. Об этом свидетельствует тот факт, что среди засвидетельствованных сочетаний с *фыр* доминируют сочетания, относящиеся к выделенным выше типам внутренней причины; при этом без аблатива *фыр* практически не употребляется. Однако говорить о полной грамматикализации *фыр* на корпусном материале пока преждевременно: в значительном числе случаев выражение значения внутренней причины возможно и без *фыр*, что противоречит представленным выше полевым данным. Причины такого расхождения требуют дополнительного исследования.

6. Историко-типологическая перспектива

Необычные свойства и семантика показателя *фыр* ставят вопрос о его происхождении и пути семантической эволюции. В «Историко-этимологическом словаре осетинского языка» [Абаев 1958: 499] и «Этимологическом словаре иранских языков» [Эдельман 2020: 137–139] он возводится к праиранскому **paru-* ‘многие, обильный, изобилующий’ с когнатами из ряда иранских языков. Высокая морфологизированность осетинского *фыр* находит свою параллель уже в авестийском и древнеперсидском, где соответствующие элементы часто употребляются в составе композитов, ср. авест. *pouru-aspa* ‘имеющий много коней’, *pouru-jira* ‘много понимающий, интеллектуальный’ [Bartholomae 1904: 899–903]; др.перс. **parugi-* ‘имеющий много крупного скота’, **parišyāti* ‘многорадостная, со многим счастьем’ [Hinz 1975: 181–182]. Таким образом, отмеченная выше высокая степень фонологической интеграции *фыр* едва ли должна рассматриваться как свидетельство его грамматикализации: скорее речь идет о поведении, унаследованном из праиранского состояния. Однако с семантической точки зрения все когнаты *фыр* в других иранских языках имеют значения ‘многочисленный’, ‘полный’⁵, ‘много’, ‘очень’ и т. д.; ни в одном из них не засвидетельствовано употребление этих элементов в причинных контекстах.

Из этого мы можем заключить, что, во-первых, развитие *фыр* в показатель внутренней причины не имело предпосылок на праиранском уровне и произошло уже на осетинской (аланской) почве и, во-вторых, исходное значение *фыр* надежно реконструируется как интенсифицирующее.

Засвидетельствованный в осетинском языке семантический переход «ОЧЕНЬ → ПРИЧИНА», насколько нам известно, ранее в литературе не отмечался. Такой источник не зафиксирован в типологических базах данных семантических переходов: ни для значений CAUSE, BECAUSE в CLICS³ [Rzymiski et al. 2019], ни для значений «cause, reason», «because of» в базе DatSemShift [Zalizniak et al. 2016–2020]. Он также отсутствует в каталоге грамматикализации [Kuteva et al. 2019] и в известных нам обобщающих работах о полипредикативной и именной причине [Заика 2019; Сай, в печати]. Единственная типологическая параллель, которую нам удалось обнаружить, — это данные японского языка, описанные в [Kuznetsov 2022] в рамках базы данных по именной причине NoCaCoDa⁶. В японском языке слово *amari* ‘избыток’ может факультативно оформлять именную внутреннюю и неопосредованную причину (‘от страха’, ‘от радости’), употребляясь в качестве послелого:

- (32) *kodomo-wa kyōfu-no amari nak-i-dash-ita*
 ребенок-ТОР страх-GEN избыток плакать-CVB-начать-PST
 ‘Ребенок заплакал от страха’. [Kuznetsov 2022]⁷

При формальной разнице японского и осетинского показателей с семантической точки зрения в обоих случаях произошло «стирание» интенсифицирующего значения в причинной конструкции (‘от избытка страха’ → ‘от страха’). В осетинском языке, судя по всему, мы имеем дело с более высокой степенью грамматикализации: если в японском, как указано в работе [Kuznetsov 2022], использование конструкции *-no amari* всегда факультативно, то в осетинском языке *фыр* в ряде контекстов приближается к обязательному. Кроме того, само слово *amari* в японском языке все еще сохраняет исходное значение ‘избыток’, тогда как в осетинском языке *фыр* продуктивно употребляется почти исключительно

⁵ Рефлексы **paru-* в этом значении следует отличать от рефлексов однокоренного **pṛna* ‘полный’, которые, впрочем, совпали в ряде языков, в том числе в осетинском [Эдельман 2020: 133–137].

⁶ Мы благодарны Е. А. Забелиной, Н. М. Заике и А. А. Кузнецову за привлечение нашего внимания к этим данным.

⁷ Перевод глосс и интерпретации с английского языка на русский выполнен нами.

в причинных конструкциях. Таким образом, опираясь на современные типологические данные о грамматикализации, можно сказать, что путь грамматикализации, обнаруженный в осетинском языке, является типологически уникальным.

7. Заключение

В настоящей статье мы рассматривали свойства элемента *фыр* в осетинском языке. Развивая идею, ранее высказанную в работе [Выдрин, в печати], мы показали, что этот элемент, описываемый в грамматиках как интенсификатор со значением ‘очень’, в современном языке употребляется преимущественно в контекстах внутренней именной причины. На основании полевых и корпусных данных нам удалось показать, что *фыр* не только близок к обязательному в таких контекстах, но и практически не употребляется в современном языке в функции интенсификатора. Таким образом, мы имеем дело с редким случаем грамматикализации специализированного показателя внутренней причины из элемента со значением ‘очень’. При этом дальнейшего изучения требуют факторы, влияющие на обязательность употребления *фыр* с разными лексемами, а также морфосинтаксические свойства конструкций с этим элементом.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 3 — первое, третье лицо

ABL — аблатив

ALL — аллатив

CVB — деепричастие

DAT — датив

DET — детерминант

FYR — показатель *фыр*

GEN — генитив

IN — инессив

INDEF — показатель неопределенного местоимения

NEG — отрицание

PL — множественное число

POSS — посессор

PRS — презенс

PST — прошедшее время

PTCP — причастие

PV — преверб

SG — единственное число

TOP — топик

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

* — грамматически неправильная форма или предложение (в языковых примерах); реконструируемая праформа (в этимологических данных)

? — форма или предложение, признаваемая не всеми носителями

?? — форма или предложение, близкая к недопустимой или признаваемая незначительным количеством носителей

— грамматичная форма или предложение, имеющая интерпретацию, отличную от ожидаемой

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Абаев 1958 — Абаев В. И. *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. Т. 1. А–К. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. [Abaev V. I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka* [Historical etymological dictionary of Ossetic]. Vol. 1. A–K. Moscow; Leningrad: Press of the Academy of Sciences of the USSR, 1958.]

Абаев 1959 — Абаев В. И. *Грамматический очерк осетинского языка*. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1959. [Abaev V. I. *Grammaticheskii ocherk osetinskogo yazyka* [Ossetic grammar sketch]. Ordzhonikidze: North Ossetian Press, 1959.]

- Ахвледиани (ред.) 1963 — Ахвледиани Г. С. (ред.). *Грамматика осетинского языка*. Т. I: *Фонетика и морфология*. Орджоникидзе: НИИ при Совете министров Северо-Осетинской АССР, 1963. [Akhvlediani G. S. (ed.). *Grammatika osetinskogo yazyka* [Ossetic grammar]. Vol. I: *Fonetika i morfologiya* [Phonetics and morphology]. Ordzhonikidze: Research Institute under the Council of Ministers of the North Ossetian ASSR, 1963.]
- Ахвледиани 1969 — Ахвледиани Г. С. (ред.). *Грамматика осетинского языка*. Т. II: *Синтаксис*. Орджоникидзе: НИИ при Совете министров Северо-Осетинской АССР, 1969. [Akhvlediani G. S. (ed.). *Grammatika osetinskogo yazyka* [Ossetic grammar]. Vol. II: *Sintaksis* [Syntax]. Ordzhonikidze: Research Institute under the Council of Ministers of the North Ossetian ASSR, 1969.]
- Выдрин, в печати — Выдрин А. П. Причинные союзы в осетинском языке. *Типология причинных конструкций*. Заика Н. М. (ред.). СПб., в печати. [Vydrin A. P. Causal conjunctives in Ossetic. *Tipologiya prichinnykh konstrukttsii*. Zaika N. M. (ed.) St. Petersburg, in press.]
- Гагкаев 1952 — Гагкаев К. Е. *Очерк грамматики осетинского языка*. Дзауджикау: Гос. изд-во Северо-Осетинской АССР, 1952. [Gagkaev K. E. *Ocherk grammatiki osetinskogo yazyka* [A sketch of Ossetic grammar]. Dzaudzhikau: State Press of the North Ossetian ASSR, 1952.]
- Гацалова 2017 — Гацалова Л. Б. О некоторых аспектах интенсивной формы качественных имен прилагательных в осетинском языке. *Концепции устойчивого развития науки в современных условиях*. Сб. статей по итогам Международной научно-практической конференции. Ч. 4. Уфа: Агентство международных исследований, 2017, 143–146. [Gatsalova L. B. Some aspects of the intensive form of qualitative adjectives in Ossetic. *Kontseptsii ustoichivogo razvitiya nauki v sovremennykh usloviyakh*. Conf. proceedings. Part 4. Ufa: Agentstvo Mezhdunarodnykh Issledovanii, 2017, 143–146.]
- Гуриев, Гутиева 2017 — Гуриев Т. А., Гутиева Э. Т. *Осетинско-русский словарь*. Владикавказ: СОИГСИ ВНИЦ РАН, 2017. [Guriev T. A., Gutieva E. T. *Osetinsko-russkii slovar'* [Ossetic-Russian dictionary]. Vladikavkaz: North Ossetian Institute of Humanities and Social Sciences, 2017.]
- Заика 2019 — Заика Н. М. Полипредикативные причинные конструкции в языках мира: пространство типологических возможностей. *Вопросы языкознания*, 2019, 4: 7–32. [Zaika N. M. Polypredicative reason constructions in the world's languages: Typological parameters. *Voprosy Jazykoznaniiya*, 2019, 4: 7–32.]
- Иорданская, Мельчук 1996 — Иорданская Л. Н., Мельчук И. А. К семантике русских причинных предлогов. *Московский лингвистический журнал*. Т. 2. М.: РГГУ, 1996, 162–211. [Iordanskaya L. N., Mel'chuk I. A. Towards the semantics of Russian causal prepositions. *Moskovskii lingvisticheskii zhurnal*. Vol. 2. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 1996, 162–211.]
- Эдельман 2020 — Эдельман Д. И. *Этимологический словарь иранских языков*. Т. 6: *p–t*. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2020. [Edelman D. I. *Etimologicheskii slovar' iranskikh yazykov* [Iranic etymological dictionary]. Vol. 6: *p–t*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2020.]
- Сай, в печати — Сай С. С. Именные причинные конструкции: параметры типологической вариативности и исследовательская анкета. *Типология причинных конструкций*. Заика Н. М. (ред.). СПб., в печати. [Say S. S. Nominal causal constructions: Parameters of typological variation and a research questionnaire. *Tipologiya prichinnykh konstrukttsii*. Zaika N. M. (ed.) St. Petersburg, in press.]
- Anthony 2020 — Anthony L. *AntConc* (Version 3.5.9). Tokyo: Waseda Univ., 2020. <https://www.laurence-anthony.net/software>
- Arkhangelskiy et al. 2012 — Arkhangelskiy T., Belyaev O., Vydrin A. The creation of large-scale annotated corpora of minority languages using UniParser and the EANC platform. *Proc. of COLING 2012*. Mumbai: The COLING 2012 Organizing Committee, 2012, 83–91.
- Bartholomae 1904 — von Bartholomae Chr. *Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg: K. J. Trübner, 1904.
- Doetjes 1997 — Doetjes J. S. *Quantifiers and selection: On the distribution of quantifying expressions in French, Dutch and English*. Leiden: Holland Academic Graphics, 1997.
- Hinz 1975 — Hinz W. *Altiranisches Sprachgut den Nebenüberlieferungen*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1975.
- Kennedy, McNally 2005 — Kennedy C., McNally L. Scale structure, degree modification, and the semantics of gradable predicates. *Language*, 2005, 81(2): 345–381.
- Kuteva et al. 2019 — Kuteva T., Heine B., Hong B., Long H., Narrog H., Rhee S. *World lexicon of grammaticalization*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2019.
- Kuznetsov 2022 — Kuznetsov A. Nominal causal constructions in Japanese. *NoCaCoDa: Typological database of nominal causal constructions*. Say S., Logvinova N., Zabelina E., Zaika N. (eds.). St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, 2022. <https://nocacoda.info/langpages/Japanese.html>

- Rzymiski et al. 2019 — Rzymiski C., Tresoldi T., Greenhill S. J., Wu M. S., Schweikhard N. E., Koptjevskaja-Tamm M., Gast V., Bodt T. A., Hantgan A., Kaiping G. A. et al. *The Database of Cross-Linguistic Colexifications, reproducible analysis of cross-linguistic polysemies*. 2019. <https://clics.clld.org>
- Thordarson 2009 — Thordarson F. *Ossetic grammatical studies*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2009.
- Zalizniak et al. 2016–2020 — Zalizniak A., Smirnitskaya A., Russo M., Gruntov I., Maisak T., Ganenkov D., Bulakh M., Orlova M., Bobrik-Fremke M., Dereza O. et al. *Database of Semantic Shifts*. Moscow: Institute of Linguistics, 2016–2020. <http://datsemshift.ru>

Получено / received 15.08.2023

Принято / accepted 26.09.2023